

—

Об этой маленькой тайне он никому не рассказывал, да и кроме Тао Хуайнаня ему было некому рассказывать. Тао Хуайнаню в старших классах было нелегко, и только Сяочжун знал свой секрет.

Сяочжун сбежал с уроков, чтобы отвезти Тао Хуайнаня к врачу. Лицо Тао Хуайнаня было таким же бледным, как бумага их тестов, и Сяочжун беспокойно сжимал его руку, чувствуя, что тому живется очень тяжело.

Когда он окончил старшую школу, эта его несбыточная надежда оборвалась. Однако в то время Пань Сяочжун даже не мог отвлечься, чтобы грустить о своих тайных чувствах; большую часть времени он беспокоился о Тао Хуайнане. Пань Сяочжун отправлял ему одно-два сообщения в день, не говоря много, просто спрашивая: «Как ты?» или «Ты здесь?». Тао Хуайнань иногда отвечал в тот же день, иногда через несколько дней. Пань Сяочжун очень боялся, что однажды он вообще перестанет отвечать.

Сяочжун всегда был невезучим, после заполнения документов для поступления в университет он не смог попасть на выбранную им специальность, а попал по распределению на очень непопулярную. Но он все равно решил пойти учиться.

Иногда он видел или слышал что-то, что трогало мягкое место в его сердце. Каждый раз, когда он прикасается к этому, его сердце смягчается, и он чувствует себя счастливчиком. Он чувствует, что молодой человек страстный и дикий, и надеется, что он всегда будет несдержанным и его глаза будут светиться, когда он улыбается.

Пань Сяочжун часто просматривал моменты другого человека в WeChat, и каждую запись он знал наизусть. Но он никогда не ставил лайки, даже не поздравлял с праздниками.

Однажды, в начале третьего курса, Пань Сяочжун, взяв телефон и увидев аватарку в непрочитанных сообщениях, на мгновение замер.

Кай: [Ты здесь? Сяочжун?]

Пань Сяочжун сначала моргнул, ошеломленно замер на несколько секунд, а затем быстро ответил: [Я здесь.]

Тот еще ничего не сказал, но Сяочжун боялся, что его поздний ответ покажется равнодушным, и добавил: [Что случилось?]

Кай: [Ты сейчас занят? Хочу попросить тебя об одолжении.]

Сяочжун ответил с максимальной скоростью: [Хорошо, говори, я не занят.]

Пань Сяочжун только что умывался, и сейчас полотенце все еще висело у него на шее, он просто небрежно поставил зубную щетку в сторону и стоял в том же положении, ожидая сообщения.

Сообщение от Ши Кая пришло примерно через полминуты.

Кай: [Мне даже немного стыдно говорить, это довольно позорно. /закрывает лицо/]

Пань Сяочжуо, глядя на это сообщение, невольно улыбнулся и ответил: [Все в порядке, что случилось?]

У Ши Кая была младшая двоюродная сестра, которая в этом году также поступила на специальность Пань Сяочжуо. За три дня учебы она плакала четыре раза: не попала в одну аудиторию с однокурсниками, везде терялась, и специальность ей тоже не нравилась. В детстве ее баловали, а теперь, когда она начала учиться сама, ее психика рухнула.

Тетя позвонила Ши Каю и спросила, есть ли у него одноклассники, которые учатся здесь, чтобы помочь присмотреть за ней несколько дней и помочь ей освоиться.

Ши Кай не любил набирать текст, поэтому потом просто позвонил Сяочжуо голосовым вызовом. Сяочжуо вышел на балкон, чтобы ответить, и, услышав голос Ши Кая, почувствовал себя знакомым и смущенным.

Он по-прежнему был немногословен, но гораздо лучше, чем в старшей школе. Когда Ши Кай говорил, он время от времени говорил «м-м, м-м», показывая, что слушает, а когда Ши Кай жаловался, он тоже смеялся.

«Хорошо, хорошо», — Сяочжуо, прислонившись к окну, с улыбкой сказал. «Завтра я пойду к ней и покажу ей все здания».

«Не нужно так заморачиваться, пусть сама ищет», — сказал Ши Кай. «Я попрошу ее добавить тебя? Когда она не сможет что-то найти, просто скажи ей, а в остальное время не беспокойся о ней».

«Все в порядке, у меня завтра все равно нет занятий», — Сяочжуо облокотился на подоконник, приложив телефон к уху. «Не волнуйся».

«Я вообще не волнуюсь. Если бы моя тетя не позвонила, никто бы не заботился об этом вопросе», — пожаловался Ши Кай.

Сяочжуо снова рассмеялся. Ши Кай сказал: «Спасибо, Сяочжуо».

Пань Сяочжуо сначала сказал «не за что», а затем в следующее мгновение вспомнил, как Ши Кай всегда заставлял его говорить «спасибо, Кай Гэ». Его свободная от телефона рука висела за окном, прохладный ветер обдувал ее. Сяочжуо прищурил глаза, чувствуя, как приятна температура в сентябре.

Они не общались более двух лет, но после этого звонка они, казалось, стали очень близки, даже ближе, чем в старшей школе. Пань Сяочжуо не был так напряжен и скован, как тогда, теперь он улыбался гораздо чаще. Пань Сяочжуо улыбался, слушая каждое слово.

Бывший социофоб, хотя теперь и не страдал тревожностью, все равно не был слишком открытым. Однако в деле двоюродной сестры Ши Кая он проявил себя как абсолютно надежный старший. А двоюродная сестра не была такой избалованной, как думал Сяочжуо; на самом деле, общаться с ней было довольно приятно, и она была очень вежлива, постоянно говорила «спасибо».

Из-за этого Ши Кай и Пань Сяочжуо часто общались. Двоюродная сестра, с помощью Сяочжуо, вновь обрела прекрасные надежды на студенческую жизнь и специально отправила сообщение Ши Каю.

Ши Кай в свою очередь позвонил Сяочжуо. Двоюродная сестра на той стороне очень вежливо и постоянно благодарила Сяочжуо. Ши Кай в последние дни часто общался с Сяочжуо и поэтому уже не благодарил. В телефонном разговоре они болтали о посторонних вещах, Ши Кай сказал, что когда он вернется, он позовет Сяочжуо поужинать.

Пань Сяочжуо каждый раз улыбался, когда разговаривал с ним, а теперь, улыбаясь, сказал Ши Каю: «Ты должен сказать спасибо».

Ши Кай на том конце провода «ойкнул».

Пань Сяочжуо снова рассмеялся и сказал: «Не за что».

Ши Кай тоже рассмеялся и сказал ему: «Сам благодари, я на урок иду».

«Угу, угу», — сказал Сяочжуо. «Пока».

Даже Тао Хуайнань заметил, что в последнее время Пань Сяочжуо был в хорошем настроении, всегда очень рад. Он спрашивал Сяочжуо, чему он так рад, но Сяочжуо мялся и не говорил ему. Тао Хуайнань лишь мягко улыбался и говорил, что это здорово видеть, как ты становишься все более открытым.

После того кошмарного периода в старшей школе Тао Хуайнань всегда был один. Чи Чэн, который каждый день держал его за руку и водил в школу, исчез, и Тао Хуайнань стал намного более независимым, чем раньше.

Пань Сяочжуо часто навещал его, наблюдая, как Тао Хуайнань медленно оправляется от депрессии и теперь всегда спокоен.

Он так и не рассказал Тао Хуайнаню о своих сокровенных мыслях; раньше у него не было времени, а потом не было необходимости говорить.

Это дело для Пань Сяочжуо было словно оживленный маленький эпизод в его обыденной жизни, который быстро прошел. Когда они общались, он был очень рад, а когда не общались, не чувствовал себя потерянным. Возможно, потому, что у него никогда не было никаких излишних ожиданий, он мог относиться к этому очень спокойно.

Двоюродная сестра Ши Кая, Цун Аньжань, часто связывалась с Пань Сяочжуо, и каждый раз Пань Сяочжуо очень внимательно отвечал на ее вопросы. Со временем она перестала называть Сяочжуо старшим, а фамильярно называла его «Сяочжуо».

В этот день они вдвоем учились в одном здании, и Цун Аньжань пригласила Сяочжуо пообедать вместе. Сяочжуо согласился.

Цун Аньжань ждала его внизу. Когда Сяочжуо вышел, она протянула ему только что принесенный кофе и сказала: «Мой брат сказал мне не приставать к тебе, он боялся, что тебе будет неудобно мне отказать».

Сяочжуо взял кофе и поблагодарил, затем сказал, что все в порядке.

«Если я тебе надоедаю, просто скажи мне об этом тактично! Не стесняйся!» — сказала Цун Аньжань. «Например, если я приглашу тебя пообедать, ты скажи, что уже договорился с кем-то! Или что идешь в библиотеку! Я пойму! Но не говори прямо, что я надоедаю, оставь мне немного лица!»

Пань Сяочжуо засмеялся от ее слов и сказал: «Хорошо».

В характере Цун Аньжань было что-то похожее на Ши Кая; общаться с ней было легко, оба были открытыми людьми. Теперь, вспоминая то время в старшей школе, Пань Сяочжуо жалел только, что большую часть времени он тратил на свою тревожность, и в течение первых двух лет просто хотел спрятаться от Ши Кая.

Только повзрослев, он понял, что в этом не было никакой необходимости, и он напрасно потерял много хорошего времени.

Цун Аньжань часто упоминала своего брата; их разница в возрасте была небольшой, и они с детства часто играли вместе. Цун Аньжань говорила, что Ши Кай в детстве был особенно озорным, каждый день носился повсюду. В средней школе он плохо учился, дядя узнал, что он курит, и чуть не сломал ему ноги.

«Как же я тогда радовалась!» — с удовлетворением сказала Цун Аньжань. «В то время он меня до смерти раздражал! Был в переходном возрасте, постоянно выпендривался, даже когда мы ездили к бабушке, он не играл со мной, притворялся! Мой дядя бил его, а я стояла рядом и подначивала, так ему и надо!»

Пань Сяочжуо слушал с удовольствием, улыбаясь, и сказал: «Кай Гэ очень хороший».

«Да, он очень хороший, просто всегда придирается ко мне, но он хорошо ко мне относится, я знаю», — добавила Цун Аньжань. «Поэтому теперь он меня не раздражает!»

Пань Сяочжуо с улыбкой подумал: «Как он может кого-то раздражать, он такой хороший парень».

Той зимой Ши Кай вернулся домой на новогодние каникулы, Сяочжуо тоже уже был на каникулах, готовился к поступлению в аспирантуру. Он подал заявление на проживание в общежитии и не вернулся к тете. Каждое утро у него было два урока репетиторства, а днем иногда подрабатывал на временных работах.

Когда Ши Кай прислал сообщение, Сяочжуо учился. Здание общежития было почти пустым, безлюдным и холодным. Сяочжуо сидел, обняв грелку, укутавшись в одеяло и взял телефон, чтобы посмотреть.

Кай: [Каникулы, Сяочжуо?]

Пань Сяочжуо, глядя на сообщение, отложил ручку и ответил двумя руками: [На каникулах.]

Кай: [Тогда оставь мне свободное время, ходим поужинать?]

Раньше, когда он получал от него сообщения, его сердце всегда было спокойно; он был очень рад, но не слишком нервничал. После окончания старшей школы он больше никогда не видел его. Теперь, думая о встрече, он действительно немного нервничал.

Сяочжуо спустя долгое время ответил: [Хорошо.]

В день встречи они договорились на три часа дня, но Ши Кай приехал на полчаса раньше и позвонил Сяочжуо, сказав, что он у его общежития.

Сяочжуо вздрогнул, посмотрел на время и сказал: «Так рано... Я сейчас спущусь!»

«Я заезжал за кое-чем рядом с твоим университетом, заодно и заехал, все в порядке, не торопись», — сказал Ши Кай по телефону.

«Подожди минутку!» — Пань Сяочжуо уже надел обувь, схватил ключи и вышел за дверь.

Когда Сяочжуо спускался по лестнице, его сердце колотилось в такт шагам: тук-тук-тук.

Ши Кай стоял спиной к зданию общежития у лестницы, услышал звук, обернулся и, увидев Сяочжуо, улыбнулся: «Вырос, да?»

Сяочжуо быстро бежал, все еще немного задыхаясь, выдохнул и сказал: «Немного подрос».

«В моем представлении ты был намного ниже», — сказал Ши Кай с улыбкой. «Всегда прятался в сторонке».

Пань Сяочжуо подумал: «Это потому, что я тебя боялся, ведь я тебе должен».

В это время для обеда было рановато. Ши Кай спросил Пань Сяочжуо, есть ли поблизости отделение China Construction Bank, ему нужно было изменить привязанный номер телефона. Пань Сяочжуо повел Ши Кая туда. Ши Кай шел и разговаривал с ним, и, к его удивлению, Пань Сяочжуо сильно отличался от того, каким он был в его воспоминаниях: он стал более разговорчивым и даже сам начинал темы для разговора.

«Вы часто видите?» — спросил Сяочжуо.

«Я и кто? Чи Гэ?» — сказал Ши Кай. «Иногда».

«Он все еще не возвращается?» — Сяочжуо слегка поднял голову, глядя на него, спросил.

«Нет», — Ши Кай знал, что Пань Сяочжуо и Тао Хуайнань всегда хорошо ладили. «Он очень занят».

Сяочжуо смотрел на него под этим углом, линии его подбородка были четкими и красивыми. Он, казалось, ничуть не изменился, все такой же красивый и симпатичный молодой человек.

«Что случилось?» — Ши Кай почувствовал взгляд Сяочжуо и, взглянув на него, спросил.

Сяочжуо покачал головой и сказал: «Ничего».

Зимой, когдаходишь с улицы в помещение, очки Пань Сяочжуо всегда покрывались инеем, и он ничего не мог разглядеть. Он туманно шагнул вперед и прямо наткнулся на Ши Кая.

«Смотри под ноги», — Ши Кай усмехнулся, увидев его очки, и, схватив его за руку, потянул в сторону. «Плохо видно, да?»

Пань Сяочжуо снял очки, потряс ими в руке, и все перед глазами стало расплывчатым. Привыкнув к очкам, он невольно щурился и, сняв их, сказал: «М-м. Очки замерзли».

Ши Кай, взяв номер очереди, потянул Пань Сяочжуо за руку к стулу, чтобы тот сел, и спросил: «Какое у тебя зрение?»

«Очки на минус шесть, но все равно не очень хорошо вижу, наверное, должно быть больше», — Пань Сяочжуо сел рядом с ним и улыбнулся. «Однажды мы с Хуайнанем выходили, и перед тем, как сесть в метро, меня кто-то толкнул, и мои очки упали на рельсы. В тот день мы искали

очки больше часа, и Хуайнань сказал, что больше не пойдет со мной, если я не буду носить запасные очки».

«Он еще и придирается стал», — сказал Ши Кай с улыбкой. «Наверняка все время ворчал».

«Нет, он теперь не так много говорит». Пань Сяочжуо сидел там, вспоминая изменения в Тао Хуайнани, и сказал: «Он стал спокойнее».

В ту ночь Пань Сяочжуо не мог уснуть.

На самом деле он не так уж много и думал, не был очень возбужден, постоянно думая о Ши Кае. После ужина он еще немного позанимался, как обычно. Общение и ужин с Ши Каем заставляли его чувствовать себя очень расслабленным. Даже если у Пань Сяочжуо были свои тайные мысли, он не чувствовал себя особенно напряженным, когда сталкивался с Ши Каем; это был человек, рядом с которым было комфортно.

Он подумал, что бессонница, возможно, была вызвана большой чашкой кофе, выпитой после ужина.

Пань Сяочжуо нащупал телефон рядом с подушкой и посмотрел на время — полвторого ночи, а он все еще был очень бодр, глаза блестели.

Вылез из кровати в пижаме, поленился накинуть куртку, надел тапочки и пошел в ванную. Потом не спешил возвращаться в кровать, а сел внизу, надел наушники и послушал немного английский.

Несколько раз во время прослушивания английского в его голове внезапно промелькнула красивая улыбка Ши Кая, когда тот говорил днем. Пань Сяочжуо тоже улыбнулся, и, хотя он не мог уснуть, все равно чувствовал себя прекрасно.

Прослушивание сорока минут английской речи посреди ночи в пижаме внизу привело к предсказуемому результату.

Утром у него был урок репетиторства, но Пань Сяочжуо так и не смог встать. Будильник на телефоне звонил неизвестно сколько раз. Пань Сяочжуо сонно открыл глаза и посмотрел на время — было семь сорок.

Он резко сел, и в тот же момент почувствовал, что голова очень тяжелая. Он почувствовал жар на губах, вдыхая воздух. Пань Сяочжуо потрогал шею, и на мгновение не понял, что горячее — ладонь или шея.

Даже с лихорадкой он не мог пропустить уроки репетиторства. Пань Сяочжуо стойко встал с постели, умылся и оделся. Голова кружилась, нос был заложен, и он вяло вышел из общежития.

Это вялое состояние длилось два дня. Тем вечером он принял лекарство и рано лег спать, но всю ночь не потел. На следующее утро ему было трудно даже открыть глаза.

В полусне он услышал звонок телефона, ответил, но не мог говорить, его голос был настолько хриплым, что он почти потерял его.

Звонил родитель ученика, спрашивая, спала ли у него температура, и если нет, то чтобы он скорее сделал укол и не приходил на урок.

В таком состоянии Пань Сяочжуо не мог преподавать. Он отпросился у родителей, повесил трубку и, закрыв глаза, снова заснул.

После долгого сна, было уже больше десяти часов, когда Пань Сяочжуо снова открыл глаза. Пань Сяочжуо быстро собрался, надел толстый пуховик и, шатаясь, пошел в клинику за пределами кампуса, чтобы сделать укол.

Студенты были на каникулах, в клинике было немногочисленно, на диванах и койках сидели или лежали несколько пациентов, спокойно получавшие капельницы. Врач выписал Пань Сяочжуо лекарства, а затем медсестра пришла поставить ему капельницу. Тао Хуайнань прислал сообщение, спрашивая, что он делает. Пань Сяочжуо с трудом ответил голосовым сообщением, сказав, что простудился и ему делают капельницу.

Тао Хуайнань: «Почему у тебя так охрип голос? Так серьезно? Ты сам справишься, мне прийти к тебе?»

Пань Сяочжуо: «Нет, вчера был снег, на дороге скользко, ты оставайся дома, не выходи».

Тао Хуайнань: «Оо».

Пань Сяочжуо: «Я не имею в виду дискриминацию слепых».

Тао Хуайнань: «Оо. Ты не сказал, я и не думал».

Пань Сяочжуо с улыбкой ответил: «Правда не нужно, я просто сделаю капельницу у университета, а потом вернусь спать».

Тао Хуайнань: «Понял! Я просто так спросил, на самом деле не хотел идти!»

Пань Сяочжуо некоторое время смеялся, слушая, затем надел наушники, включил легкую музыку и закрыл глаза, продолжая спать. Когда у человека лихорадка, ему всегда очень хочется спать. Пань Сяочжуо, казалось, все эти два дня спал.

Через некоторое время телефон в кармане снова завибрировал. Пань Сяочжуо подумал, что это снова Тао Хуайнань, и ответил прямо через наушники.

Сонный голос: «М-м?»

Однако слышался не голос Тао Хуайнаня: «Чжуо-эр? В университете?»

Пань Сяочжуо только услышал обращение и мгновенно пришел в себя, выпрямившись на диване.

«Кай...» Открыв рот, его голос сразу пропал. Пань Сяочжуо прочистил горло: «Кай Гэ?»

«Ого, спишь?» — С другой стороны Ши Кая было слышно, что он находится на улице, вокруг было немного шумно.

«Нет, что случилось, говори?» — спросил Пань Сяочжуо.

«Ничего, спрашиваю, ел ли ты. Я рядом с твоим университетом, этот собачий сын Цзи Нань позвал меня пообедать, я приехал, а он сказал, что не сможет прийти. Я уже заказал весь набор, приходи, поедим вдвоем?» — Цзи Нань так достал Ши Кая, что тон его голоса был немного забавным.

Пань Сяочжуо поднял глаза на недокапанную капельницу; после этой бутылки оставалось еще две маленьких. Пань Сяочжуо мог только сказать: «Я не могу прийти, Кай Гэ».

Ши Кай спросил его: «Что с твоим голосом? Я думал, ты еще не проснулся. Простудился?»

Пань Сяочжуо боялся, что Ши Кай подумает, будто он отлынивает, и объяснил: «Да, мне делают капельницу. Осталось еще две бутылки, к тому времени, как я закончу, будет слишком поздно».

«Где тебе делают капельницу? Ты ел сегодня утром?» — спросил Ши Кай по телефону.

«Нет, прямо здесь, возле моего общежития». Каждый раз, когда Ши Кай задавал вопрос, Пань Сяочжуо отвечал очень серьезно, звуча очень послушно.

Ши Кай сказал: «Хорошо, тогда поспи еще немного».

«Хорошо». Пань Сяочжуо немного сожалел, что не смог пойти поесть с Ши Каем, и поджал губы. «Тогда я вешаю трубку?»

«Угу, вешай», — ответил Ши Кай.

Пань Сяочжуо снова сказал «пока», и, услышав ответ Ши Кая, медленно повесил трубку.

Пань Сяочжуо откинулся на спинку стула, моргая, глядя на потолок, и тихо выдохнул. Успокаивающая легкая музыка в наушниках теперь почему-то стала раздражающей. Пань Сяочжуо снял наушники и сунул их в карман.

После этого Пань Сяочжуо больше не спал крепко, все время находился в полусне. Он почувствовал, как медсестра подошла, чтобы поменять ему бутылку с лекарством, услышал, как кто-то издалека вошел, что-то сказал кому-то у двери, а затем сел на диван через два места.

Когда он снова пришел в себя, то услышал, как кто-то сел рядом с ним. Легкое шуршание ткани и кожаной обивки дивана донеслось до его ушей, очень близко, но воздух вокруг не был прохладным. Слишком близкое расстояние к другим заставляло Пань Сяочжуо чувствовать себя неуверенно, поэтому на этот раз он открыл глаза.

В тот момент, когда он открыл глаза, Пань Сяочжуо почувствовал, что он действительно совсем заболел от лихорадки.

Он встретился взглядом прямо с Ши Каем. Красивые, улыбающиеся глаза Ши Кая прямо врезались в затуманенный взгляд Пань Сяочжуо.

Пань Сяочжуо растерянно смотрел, его реакция была замедленной, затем он закрыл глаза.

Через несколько секунд Пань Сяочжуо снова открыл глаза и снова встретился взглядом с Ши Каем. Ши Кай на этот раз усмехнулся и спросил: «Проснулся? Или еще нет?»

Пань Сяочжуо растерянно моргнул.

«Все равно мне не с кем есть, я просто привез еду, чтобы навестить больного. Если проснулся, выпьешь немного каши?» — Голос Ши Кая был довольно тихим и мягким, возможно, из-за обстановки. К тому же легкая, веселая интонация в голосе делала его особенно нежным, словно он уговаривал ребенка.

Пань Сяочжуо огляделся вокруг, и только тогда полностью пришел в себя: Ши Кай действительно пришел.

Ши Кай, видя его растерянность, находил это забавным. Когда взгляд Пань Сяочжуо обогнул комнату и вернулся на лицо Ши Кая, Ши Кай слегка приподнял бровь и с улыбкой смотрел на него, его выражение спрашивало, будет ли он есть кашу.

В тот момент Пань Сяочжуо почувствовал, как в его груди внезапно взорвалось огромное, сильное, неконтролируемое чувство влюбленности.

—

<http://bllate.org/book/12843/1131946>